

Кто он – «Орест Ц.»?

В автобиографическом романе «Освещённые окна» первую, самую крупную часть «Детство и юность» Вениамин Каверин посвятил родному городу Пскову. Почти все фамилии в ней приведены полностью. И только три обозначены лишь именем и заглавной буквой фамилии: его первая настоящая любовь Валя К., живший у них на квартире гимназист Толя Р., позднее репрессированный, и Орест Ц., о дальнейшей судьбе которого автор, очевидно, не знал.

На мой прямой вопрос, «к чему скрывать Ореста Ц. – хорошего и интересного человека, литератора, геройски погибшего в годы Отечественной войны Цехновицера, сына известных псковских дантистов Вениамина Евсеевича и упомянутой Вами Анны Ароновны?», Вениамин Александрович ответил в письме от 5 августа 1983 года: «Орест Ц. – конечно Цехновицер, но, не имея согласия публиковать полную фамилию, я указал начальную букву. Это относится и к другим фамилиям».

В романе Каверина Цехновицер впервые появился в главе «Весна 1917-го». После Февральской революции на собрании в актовом зале гимназии пытались создать Общество учащихся средних учебных заведений (ОСУЗ). Однако при выборах председателя общества против кандидатуры кадета князя Тархан-Моурави выступили гимназисты и семинаристы. Возник бурный спор. «Слово взял Орест Ц. (реалист-семиклассник), который тогда ещё не выступал с публичным докладом «Лев Толстой, Лев Шестов и я»... Директор почему-то не давал Оресту слова. Семинаристы закричали:

-Дать!

...Орест убедительно доказывал, что мыслящие единицы независимо от принадлежности к учебному заведению уже примкнули или вскоре примкнут к враждующим политическим партиям, - следовательно, объединить их логически невозможно».

Левин Натан Феликсович - псковский краевед

Вениамин Каверин отметил в книге, что «скептический Орест Ц.» был намного начитаннее его. Очевидно, они в Пскове часто встречались. О матери Цехновицера Каверин упомянул, говоря, что гимназистка «Люба Мознаим на экзамене по истории Анну Иоанновну назвала Анной Ароновной, вспомнив, по-видимому, известного в Пскове зубного врача».

Первой сюда прибыла не Анна Ароновна, а Вениамин Евсеевич. Он родился в семье купцов Екатеринослава (Днепропетровска) в 1864 году. 20 января 1891 года рекламное объявление «Псковского городского листка» извещало: «Зубной врач В. Цехновицер приехал в Псков на постоянное местожительство. Принимает больных от 9 до 1 и от 3 до 6 вечера. Временно жительство имеет в № 8 гостиницы «С.-Петербург» (она была на стыке Архангельской и Сергиевской, где ныне на улице Ленина стоит дом № 1 с выставочным залом). Вскоре, 27 февраля, он сообщил, что «переехал на Великолуцкую улицу в дом Высоцкой, квартиры над аптекой Беке» (дом фасадом выходил на Торговую площадь правее Гостиного двора).

Вывеска у входа в подъезд приглашала к зубному врачу Цехновицеру, а в квартире на дверях комнаты значилось: «Зубо-врачебный кабинет». В августе 1893 года полицмейстер привлёк его к ответственности, поскольку тогда званием зубного врача пользовались только специалисты, окончившие высшее учебное заведение, а практики именовались дантистами. В суде Вениамин Евсеевич оправдался тем, что при изготовлении первой вывески ошибся мастер, и новая уже заказана, а кабинет так может называться и дантист.

8 июня 1897 года та же газета оповестила горожан: «Зуболечебный кабинет дантистов Анны Глик и В. Цехновицера ныне помещается на Великолуцкой улице над книжным магазином Вольфрам. Приём больных от 10 час. утра до 8 вечера». Таким об-

разом, тогда Анна Аароновна ещё не приняла фамилию мужа. Это подтверждает и «Памятная книжка Псковской губернии на 1897 год», перечислившая местных дантистов: гг. Кампрад, Цехновицер, Суткин, Фельдштрем, Гумовская и Глик. Более подробная реклама появился 21 октября 1898 года: *«Зуболечебный кабинет В. и А. Цехновицер. Великолуцкая улица, дом Шоффа. Лечение, пломбирование и вставление искусственных зубов. Извлечение зубов – при местной анестезии, под хлороформом и под веселящим газом, для чего вновь приобретён усовершенствованный аппарат».*

От девичьей фамилии Анна Аароновна отказалась не случайно. 13 (25) марта 1898 года на этой квартире у супругов родился старший сын Евгений. Двухэтажный каменный дом Елизаветы Фёдоровны Шофф с лучшим в городе книжным магазином Юлия Вольфрама располагался в центре пяти домовладений, занимавших всё пространство между шатровой колокольней храма Михаила Архангела и Плоской (Профсоюзной) улицей. Затем 16 (28) августа 1899 года там же появился на свет их второй сын – Орест, а 3 (16) февраля 1901 года – дочь Вера. Любопытно, что вскоре, 6 (19) апреля 1902 года, в соседнем трёхэтажном доме купца Семёна Хмелинского родился автор романа «Освещённые окна».

Впрочем, в доме Шофф Цехновицеры прожили недолго. 18 марта 1901 года они поместили в «Псковском городском листе» объявление: *«Зуболечебный кабинет дантистов Цехновицер. Сергиевская улица, дом Зоргенфрея. Приём больных от 10 час. утра до 6 час. пополудни».* И добавили 13 мая: *«В зуболечебных кабинетах дантистов Цехновицер ...производится лечение, пломбирование и вставление зубов и челюстей».*

Сергиевская улица стала Октябрьским проспектом, а деревянный дом Зоргенфрея находился на углу Пушкинской, возле церкви Василия «на Горке». Весь квартал вокруг этой церкви исчез в годы последней войны. Густав Иванович Зоргенфрей имел на первом этаже самую известную частную аптеку, называвшуюся Старой. Его племянник и воспитанник Вильгельм Зоргенфрей (1882-

1938) окончил здесь гимназию, стал не только инженером, но и поэтом, переводчиком, известным дружкой с А. А. Блоком и проникновенными воспоминаниями о нём.

Цехновицеры сняли у Зоргенфреев квартиру на втором этаже, с балконом, выходящим на Сергиевскую. Тогда же, съездив в Германию, Вениамин Евсеевич сдал экзамен на звание зубного врача. Диплом Берлинского университета от 22 июля 1901 года на латинском языке и сейчас украшает стену питерской квартиры вдовы его внука Юрия Орестовича Цехновицера. Анна Аароновна, уроженка Витебской губернии, получила такой диплом в Дерптском (Тартуском) университете 3 мая 1903 года. По «Памятной книжке Псковской губернии на 1913-1914 гг.», в Пскове принимали пять зубных врачей, включая супругов Цехновицер, по-прежнему проживавших в доме Зоргенфрея, и пятнадцать дантистов.

Супруги не ограничивались только частным приёмом пациентов в своих зуболечебных кабинетах. В отчёте Псковского епархиального женского училища отмечено, что в декабре 1900 года *«предложил свои услуги безвозмездно дантиста при училище Вениамин Цехновицер».* В лечебнице для приходящих больных при Псковской общине сестёр милосердия Красного Креста он безвозмездно дежурил с 15 сентября 1901 года по часу в неделю. В 1903 году он стал принимать и в лечебнице Общества псковских врачей, а с сентября 1904 года там бесплатно трудилась и Анна Аароновна. 16 января 1905 года она участвовала в учредительном собрании по созданию Общества борьбы с заразными детскими болезнями. В 1909 году Цехновицера выбрали одним из девяти старшин культурно-развлекательного Псковского семейного кружка.

Из-за конкуренции среди дантистов достойно содержать семью и платить за обучение детей было трудно. И Вениамин Евсеевич в начале 1909 года устроил на землях пригородного села Корятово кирпичный завод. Летом на нём трудились до 70 рабочих. Цехновицер вошел в группу хозяев псковских кирпичных заводов, создавших совместную контору по продаже кирпичей с общим

складом и едиными ценами. 15 декабря 1910 года для расширения дела он вступил в Псковское общество взаимного кредита (Городской банк) и попросил займы пять тысяч рублей «под торговые векселя разных лиц», отметив в заявлении, что годовой оборот завода составил 50 тысяч рублей. Но ему дали только две.

Для взимания налогов завод оценили в 9250 рублей, и уездная земская управа внесла Цехновицера, как владельца недвижимости, в список избирателей по выборам в IV Государственную думу. Однако, по сообщению «Псковской жизни» от 14 августа 1912 года, губернатор опротестовал список в отношении евреев-дантистов, имевших вне черты оседлости лишь право условного жительства. Впрочем, к концу 1913 года завод уже не работал и сгорел в ночь на 5 февраля 1914 года. Пару лет ему принадлежал небольшой каменный дом рядом с Городским банком на Плоской улице, но его пришлось продать купцу и заводчику Ивану Чернову, открывшему там в ноябре 1910 года кинотеатр «Рекорд».

19 августа 1908 года их старшего сына Евгения Цехновицера приняли в 1 класс Псковского Сергиевского реального училища. Учился он легко, имел годовые оценки 4 и 5, в 1915 году окончил седьмой, дополнительный класс и поступил в столичный Политехнический институт. 24 октября 1917 года он поместил в «Псковской жизни» объявление: «*Студент-политехник III курса даёт уроки. Специальность математика. Сергиевская, дом Зоргенфрей, Цехновицер*». Евгений стал инженером, умер во время заграничной командировки в Бангладеш.

У Ореста Цехновицера были гуманитарные наклонности. К вступительным экзаменам в 1 класс гимназии его готовили дома. Он сдал их в августе 1910 года, получив по русскому письменному 4 и устному 3, по арифметике письменной и устной по 3. Из пяти сдававших еврейских мальчиков по пятипроцентной квоте приняли двух с лучшими оценками. Ореста пришлось определить в реальное училище, где уже учился старший брат. Очевидно, поэтому большого интереса к учёбе Орест не проявлял. К тому же не-

редко болел: в V классе за 2-ю четверть пропустил 28 уроков из-за зубной боли (при родителях – зубных врачах!), в VII классе за 2-ю треть пропустил больше всех – 69 уроков из-за бронхита.

В Госархиве Псковской области сохранились классные журналы за 1913/14 учебный год. Тогда в IV классе Оресту Цехновицеру перед экзаменами вывели семь троек, двойку по русскому языку с экзаменом на осень, а четвёрки только по естествознанию и черчению. Тройки поставили ещё за внимание и за прилежание. На письменном и устном экзаменах по алгебре он получил двойки. И только пересдав осенью русский язык на 4 и алгебру на 3, Орест перешёл в пятый класс. А в ноябре 1916 года классная комиссия уже признала его весьма старательным и внимательным. 6 мая 1917 года Педагогический совет реального училища удостоил Цехновицера свидетельства об окончании седьмого, дополнительного класса.

Но в технический вуз он поступать не собирался. О его наклонностях можно судить по упомянутому Кавериним публичному докладу «Лев Толстой, Лев Шестов и я», прочитанному Орестом в Пскове. Шестов – псевдоним литератора и философа Льва Шварцмана (1866-1938), которого С. А. Венгеров назвал талантливым писателем. Со слов Цехновицера его друг Александр Дымшиц в книге «Звенья памяти. Портреты и зарисовки» (М., 1975, с. 480) так рассказывал об этой лекции: «*Он решил самоопределяться. И сделал это в духе «Хулио Хуренито». Расклеил на городских заборах афиши, в которых обещал слушателям ряд философских откровений. Афиши утверждали, что юный лектор свергнет философию Ницше и Штирнера и предложит вместо них свою концепцию миропонимания. Среди псковских слушателей он, однако, не имел большого успеха*».

В реальном училище не преподавали латинский язык, без знания которого не принимали на гуманитарные факультеты университета. В сентябре Орест сдавал этот предмет при Псковской мужской гимназии, но не выдержал экзамена. Пришлось пойти на физико-математический факультет Петроградского университета и в том же году перевес-

тись в Одессу на историко-филологический факультет Новороссийского университета. Факультет славился крупными учёными: историю искусства преподавал академик Н. П. Кондаков, философию – профессор Н. Н. Ланге... Многие литераторы оказались тогда в Одессе, и Орест «вращался» в их среде. Город освободили от белых в феврале 1920 года, и, уйдя с четвёртого курса, он поступил на службу в агитотдел Одесского военкомата. Его направили в 1-й Астраханский полк и вскоре откомандировали в агитотдел Московского военкомата.

1920 год оказался очень напряжённым. Выполняя пропагандистские задания агитотдела, Цехновицер одновременно читал лекции по итальянской литературе на Высших литературно-художественных курсах, был научным сотрудником Российской академии материальной культуры и по её заданию в июне выезжал на родину в Псков «для работ по древне-русскому искусству». По приглашению Наркомата юстиции стал консультантом-историком отдела, занимавшегося вопросами отделения церкви от государства, и производил в апреле 1921 года, а затем в августе 1922 года изыскания в архиве Синода.

Решив перейти на преподавательскую работу, Орест предложил свои услуги Бакинскому и Туркестанскому университетам. Оба согласились его принять. Он выбрал второй, и с мандатом Наркомпроса от 6 октября 1921 года прибыл в Ташкент, на кафедру итальянской литературы. Некоторые старые профессора отнеслись к нему ревниво. Осенью 1922 года Цехновицер вернулся в Москву и даже не воспользовался предложением Академического центра Наркомпроса о поездке в Италию для занятий по истории итальянского искусства.

Непросто складывалась и его лекционная работа. Приехав в Псков от Московского дворца искусств, Орест 21 ноября 1922 года в Марксистском дискуссионном клубе, помещавшемся в бывшем доме губернатора, прочитал лекцию «Кризис современного духа». А через три дня «Псковский набат» напечатал резкую статью редактора Гришанина «Наркомпрос сорит деньгами (По поводу лекции гр-на Цехновицера)». Его упрекали:

«Докладчик...пустился в исследование «бытийности», «дуализма», соотношения «природы и духа», поговорил об Августине, св. Патрике, Данте, Петрарке, Скрябине, Андрее Белом, Ницше, Гёте, Достоевском и т.д. И в результате Шпенглеровские вздохи о средневековом покое, гармонии бытийности, благоглупости о противоречии между русским духом (Достоевским) и духом немецким (Гёте)...». В ответ на выступление в прениях «заявил, что он не марксист и с Марксом не знаком. Ничего себе, милых историков готовит Россия за счёт Наркомпроса!».

Вторая лекция Цехновицера в Пскове, назначенная на 27 ноября, не состоялась, хотя газета обещала, что она «будет прочтена в Пушкинском театре по приезде лектора из Москвы».

На этом Гришанин не успокоился. 7 декабря в питерской «Красной газете» появилась его новая статья «Столичные штучки» под псевдонимом «Н. Ш.» (сокращение от «Нина Ширг», то есть перевёрнутый «Гришанин»). В ней подчёркивалось, что Цехновицер - беспартийный и «выявил себя как реакционер в смысле толкования вопросов исторического процесса». Заодно было обругано и выступление беспартийного поэта Ярославского, тоже приезжавшего в Псков.

Эту статью Гришанина 21 декабря почти целиком перепечатала эмигрантская парижская газета «Последние новости», назвав свою публикацию «Краслекты» (так иногда для краткости тогда именовали красных лекторов). В предисловии газета, издававшаяся П. Н. Милоковым, пояснила, что «краслекты – молодые люди, специально натасканные для борьбы с Богом. Время от времени они небольшими пачками перебрасываются в провинцию, в те места, где по ходу дела требуется выступление на религиозном фронте». На перепечатку Гришанин откликнулся новой заметкой в «Псковском набате» от 3 февраля 1923 года, указав, что там «вычеркнуты как раз те места, из которых видно, что гр. Цехновицер для борьбы с Богом совершенно не пригоден, ибо несёт галиматью в Бердяевском духе, и что Псковские коммунисты прощупали буржуазную сущность докладчиков и воздали им по заслугам».

Возможно, его переезд в Петроград был связан с этими публикациями. Одно полугодие Орест занимался там в университете на факультете общественных наук и 23 июля 1923 года получил свидетельство о завершении высшего образования. Тогда же по секции литературы и революционного движения Губполитпросвета работал лектором и руководителем литературных кружков на заводах Питера. Осенью 1925 года его пригласили в Москву на работу методиста и инструктора в Главный политико-просветительный комитет при Наркомпросе. Он составлял и редактировал выпускаемые комитетом методические материалы и стал печататься в периодике.

В журнале «Советское искусство» появились статьи Цехновицера: «Пушкин и современная деревня» (№ 11 за 1925 г.), «Литературное творчество деклассированных» (№ 2 за 1926 г.), «Город и деревня (Литературные произведения рабочих – выходцев из деревни)» (№ 5 за 1926 г.). Этой же теме были посвящены два сборника, подготовленные им совместно с Михаилом Скрипилем и вышедшие в 1925 году: «Литературная смена. Художественное творчество рабочих от станка» и «В. И. Ленин в поэзии рабочих». Они предназначались для рабочих клубов и содержали предисловия составителей с советами литкружкам.

С работой в Главполитпросвете связана и обращение Ореста к зрелищной теме. Его статью «Театр на воздухе» напечатал в 1926 году тот же журнал «Советское искусство» (№ 6), а «Массовые театральные постановки на открытом воздухе. (Из опыта Германии, Англии и Америки)» - журнал «Коммунистическое просвещение» в 1927 году (№ 6). В том же году вышла его книга «Театр Петрушки» для работников городских клубов, школ и кукольных театров (на 184 страницах с иллюстрациями, чертежами и нотами). В ней популярно, со знанием специальной литературы на многих языках, излагалась история народного кукольного театра в Европе и Азии, а также дан перевод английской кукольной комедии «Панч и Джуди». Позднее, в № 7 журнала «Театр и драматургия» за 1934 год появилась его ста-

тья «Двадцать лет назад (Театр в эпоху империализма)».

К 10-й годовщине Октябрьской революции московское издательство «Долой неграмотность» отпечатало в Центральной типографии Наркомвоенмора (Ленинград) его книгу «Демонстрация и карнавал». «Псковский набат», сообщая 23 октября 1927 года о поступлении в центральную библиотеку этой книги Цехновицера, отметила: «Отличное пособие с массой рисунков и фотографий отдельных моментов карнавалов в СССР и за границей». Приведённая в ней библиография на разных языках содержала 29 источников. В 1931 году сектор искусств Наркомпроса РСФСР выпустил книгу в ленинградском издательстве «Прибой» вторым, исправленным и дополненным изданием под новым названием «Празднества революции (Об уличных представлениях всех стран)».

Напряжённая работа в Политпросвете не помешала Цехновицеру серьёзно взяться за литературоведческие исследования. Успешными стали поиски новых архивных материалов об известном писателе и философе князе Владимире Фёдоровиче Одоевском (1804-1869), соредакторе пушкинского «Современника». Его «Петербургские письма» оказались отрывком неизданного романа-утопии. По рукописям Оресту удалось воссоздать его текст. Под названием «4338-й год. Фантастический роман» впервые был опубликован издательством «Огонёк» в 1926 году с предисловием Цехновицера. Судя по наброскам, Одоевский предполагал, что в 44-м веке Россия и Китай станут центрами мировой культуры.

Через три года ленинградское издательство «Прибой» выпустило «Романтические повести» Одоевского, куда вошёл и «4338-й год». Это издание Цехновицер снабдил примечаниями, предисловием и вступительной статьёй «Силуэт (В. Ф. Одоевский)». В ней оказалось так много ценных сведений, что новый Биографический словарь «Русские писатели 1800-1917» (т. 4, 1999 г) в статье об Одоевском шесть раз цитировал их. После войны вдова Ореста Вениаминовича Евгения Юрьевна Хин (1905-1969), редактор

по профессии, продолжила дело мужа. Она подготовила к печати большой сборник «Повестей и рассказов» Одоевского, также включив в него утопию «4338-й год». Гослитиздат выпустил их в 1959 году. В её вступительной статье и примечаниях отражены заслуги О. В. Цехновицера в изучении творчества Одоевского.

Родители Ореста перебрались в Ленинград летом 1925 года. Перед этим 28 июля они поместили в «Псковском набате» короткое объявление: *«Рояль Беккера и другая мебель продаётся. Октябрьская, 27, кв. зубного врача Цехновицер»* (бывший дом Зоргенфреев получил № 27). Упоминание рояля Беккера напоминает об увлечении Ореста музыкой. По свидетельству А. М. Дымшица, *«музыкантом он был замечательным, мог часами играть на память Бетховена и Скрябина, и в этом также проявлялась его богатая одарённая натура»*. Не случайно, в сборнике «Новая музыка» (Л-д, 1927-28) появилась его статья «Новая музыка и пролетариат». Рецензию на оперу И. И. Дзержинского он подготовил для сборника «Поднятая целина» Шолохова», выпущенного издательством «Искусство» в 1937 году.

После двух лет работы в столице, осенью 27-го, Орест перевёлся в Ленинград и в культотделе областного Совета профсоюзов создал и возглавил секцию массовой художественной пропаганды. К тому же в 1928 году он стал редактором изданий по искусству в Словарно-справочном отделе ГИЗа, а с 1929 года вёл семинар по социологии литературы при ленинградской секции научных работников и пропагандистскую работу в рабочих клубах и красноармейских аудиториях. Тогда Псков входил в состав Ленинградской области. По сообщению «Псковского набата», член секции научных работников Леноблсовпрофа 27 октября 1929 года читал лекцию «Классовая борьба в современной литературе» в Псковском доме Красной армии и Доме работников просвещения.

Его знали в армейских кругах и в 1930 году зачислили штатным преподавателем Военно-теоретической школы лётчиков. В 1933-34 учебном году он читал курс литературы в Военно-политической академии име-

ни Ленина, затем – в Военно-морской академии имени Ворошилова, где в апреле 1935 года его назначили начальником кафедры языка и литературы.

Преподавательская работа успешно сочеталась с научной. Осенью 1930 года Цехновицера приняли в аспирантуру Академии наук и прикрепили к А. В. Луначарскому. По окончании её 1 марта 1932 года со званием учёного специалиста его назначили руководителем секции «Литература эпохи капитализма и пролетарской революции» Института русской литературы (ИРЛИ), чаще именуемого Пушкинским Домом.

В те годы он собирал архивные материалы о Фёдоре Кузьмиче Тетерникове (1863-1927), печатавшемся под псевдонимом Фёдора Сологуба. Они вошли в его предисловие к самому известному роману Сологуба «Мелкий бес», выпущенному издательством «Akademia» в 1933 году. Тогда же его приняли с Союз советских писателей. Позднее, в 1939 году, при издании в малой серии «Библиотеки поэта» стихотворений Фёдора Сологуба Цехновицер отредактировал тексты и составил вступительную статью. К работам по романтизму и символизму примыкают: его вступительная статья «Валерий Брюсов и русский символизм» к академическому изданию писем поэта и обширная публикация «Символизм и царская цензура» в 11-м выпуске серии филологических наук Учёных записок Ленинградского университета за 1941 год. Она содержала массу новых, ранее не публиковавшихся архивных материалов.

С 1934 года внимание Цехновицера-исследователя сосредоточилось на новой, нетронутой литературоведами теме. Журналы того года напечатали его статьи: «Литература, религия и война» («Звезда» № 8), «Горький в эпоху мировой войны» («Знамя» № 7), «Массовая литература эпохи войн» («Залп» № 8), «Буржуазная художественная литература на службе мировой войне» («Морской сборник» № 8), «Мировая война в художественной литературе» (там же, № 9), «Гражданская война в художественной литературе» (там же, № 11), «Японская интервенция на Дальнем Востоке в 1918-22 годах в советской худо-

жественной литературе» (там же, № 12), «Литература и война» («Партийная учёба» № 14). К ним прибавились статьи 1936 года: «Маяковский и мировая война 1914-18 годов» («Резец» № 7), «Великая пролетарская революция и художественная литература» (там же, № 20), «Литература и мировая война» («Литературная газета» № 43). Наконец, почти под тем же названием в 1938 году издательство «Художественная литература» выпустило его монографию «Литература и мировая война 1914-1918» на 432 страницах. Знания немецкого, английского, французского и итальянского языков позволили ему при подготовке этой книги использовать обширную зарубежную литературу.

Попутно он опубликовал статьи о творчестве французского романиста Анри Барбюса («Морской сборник» № 10 за 1936 г.), о немецком писателе-антифашисте Людвиге Ренне («История одной жизни» - в журнале «Резец» № 23 за 1936 г.), об «Империалистическом военно-утопическом романе» («Звезда» № 12 за 1937 г.).

Тогда, с мая 1936-го, Цехновицер уже состоял в штате ИРЛИ: сначала в должности учёного специалиста, с 1 февраля 1937 года - заведующий архивом института, с 5 апреля 1937-го - учёный секретарь, с 15 сентября 1938 года - зав.отделом новейшей литературы. В это время Спецотдел Ленинградских учреждений Академии наук СССР, проявляя бдительность, направил 5 сентября 1937 года в Псковский Горсовет запрос «о социальном происхождении и принадлежности к троцкистско-зиновьевской оппозиции и правому уклону» уроженца Пскова Ореста Вениаминовича Цехновицера. Псковичи таких сведений представить не смогли, так как он «по прописке не значится, адрес и родственники неизвестны». 5 мая 1938 года такой же запрос послала спецчасть ИРЛИ, добавив: «есть сведения, что родители имели землю и дома». К счастью для учёного секретаря, на этот раз ответ из Пскова вообще не последовал.

Зимой 1938 года Цехновицер стал и профессором Ленинградского университета, вёл курсы современной русской и западной литературы. В периодической печати того

времени он опубликовал много статей о Максиме Горьком, подчёркивая его роль в идеологической борьбе против фашизма, а также составил предисловие к сборнику «М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания» (М.-Л., 1937 г.). 3 мая 1940 года за фундаментальный труд «Литература и мировая война 1914-1918» ему присвоили учёную степень кандидата филологических наук.

О своеобразной стороне интересов Цехновицера, не ограничивавшегося рамками официальной литературы, свидетельствует множество блатных стихотворений и песен, найденных в его домашней библиотеке. В семье хранится афиша доклада Цехновицера «Блатная музыка и песни улицы. (Литературное творчество воров и бандитов)», прочитанного 21 марта в Доме печати (Фонтанка, 7) и сопровождавшегося чтением стихов и пением. (К сожалению, год на афише не указан).

Для докторской диссертации Орест Вениаминович выбрал непопулярную в те годы тему: «Творческий путь Ф. М. Достоевского». Для подготовки к защите диссертации 1 июля 1940 года его освободили от работы заведующего отделом в ИРЛИ и зачислили на сталинскую стипендию в 1500 рублей, превышавшую зарплату завотделом. К этому времени в «Учёных записках Ленинградского Государственного университета» за 1939 год (серия филологических наук, выпуск 4-й) он опубликовал статью «Достоевский и социально-криминальный роман 1860-1870 годов», составил послесловие к отредактированным им «Повестям Достоевского» (Л.-д., 1940), под его редакцией вышла книга «Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественного движения» (М.-Л., 1940). Тексты его университетских лекций о Достоевском можно прочесть в архиве Пушкинского Дома (фонд Цехновицера). В его личном деле по ИРЛИ, хранящемся в питерском архиве Академии наук, находится автореферат и план диссертации. Однако защитить её он не успел.

Ещё в январе 1932 года Орест Вениаминович вступил в партию, во время преподавательской работы в военных академиях числился политработником в запасе. И с пер-

вых дней Великой Отечественной войны настойчиво добивался отправки на фронт. Но научных работников в армию не брали. Пришлось послать телеграмму наркому Военно-морского флота. В звании полкового комиссара его направили в Политуправление Балтийского флота, перебазируемое перед войной в Таллин. *«Не могу быть в стороне. Судьба нашей родины – судьба каждого из нас»*, - писал он жене перед отъездом из Ленинграда, утром 6 июля.

Он выступал на кораблях и в частях флота, сотрудничал с флотскими и эстонскими газетами, составлял на немецком языке воззвания и листовки для пропаганды среди вражеских солдат. Уже в конце июля Воениздат выпустил составленную им для Библиотеки краснофлотца брошюру на 20-ти страницах «Фашизм – злейший враг культуры». На обложке автор указан так: «Профессор О. Цехновицер, полковой комиссар». Затем по заданию «Военмориздата» взялся за очерки о боевых действиях флота в первый месяц войны - «Краснознамённая Балтика в боях за Родину», отпечатанные вскоре для той же Библиотеки краснофлотца.

Сражаться с врагом пришлось не только пером и пропагандистским словом. Во время боёв под Таллином Цехновицер заменил раненого комиссара батальона морской пехоты, с гранатой в руках поднимал бойцов в контратаку, организовал отправку раненых. Отступавшие из Таллина части вывозились на кораблях Балтфлота, подвергшихся массированной бомбёжке. Штабной пароход «Вирония» был потоплен в первый день перехода – 28 августа 1941 года. На нём погиб и полковой ко-

миссар Орест Вениаминович Цехновицер. В тот день ему исполнилось 42 года.

Через восемь месяцев, 28 апреля 1942 года, начальник группы писателей Политуправления Балтфлота бригадный комиссар Всеволод Вишневский составил наградной лист, и указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1942 года О. В. Цехновицер был награждён посмертно орденом Красного Знамени *«за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество»*. (В «Морском сборнике» № 2 за 1936 год Орест Цехновицер рассказал о творчестве крупного советского писателя Всеволода Вишневского.)

На мраморной мемориальной доске в фойе Пушкинского Дома увековечены имена пяти сотрудников Института русского языка и литературы, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В их числе наш земляк Орест Вениаминович Цехновицер.

В сборниках «Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны» (М., 1966, кн. 2-я) и «До последней минуты» (Лениздат, 1983), в воспоминаниях литераторов Н.Г. Михайловского («Таллинский дневник») и А.Л. Дымшица («Звенья памяти») в основном рассказывалось о последних месяцах жизни Цехновицера. Научные статьи о его литературоведческих трудах отсутствуют. Творчество Цехновицера ещё ждёт своих исследователей, и псковские филологи могли бы внести свой вклад в изучение его обширного наследия.

Архивные источники:

- ИРЛИ (Пушкинский Дом), фонд Цехновицера
Архив Академии наук в СПб., ф. 150, оп. 2, д. 306, 627.
ГАПО, ф. Р-2, оп. 2, д. 29, лл. 44, 104.
ГАПО, ф. 8, оп. 1, д. 65, л. 146; д. 68, л. 397; д. 114, л. 318.
ГАПО, ф. 46, оп. 1, д. 973.
ГАПО, ф. 127, оп. 1, д. 129, лл. 16, 68; д. 141, л. 10; д. 149, лл. 65, 162; д. 151, лл. 28, 66; д. 154.
ГАПО, ф. 300, оп. 1, д. 1, л. 206.

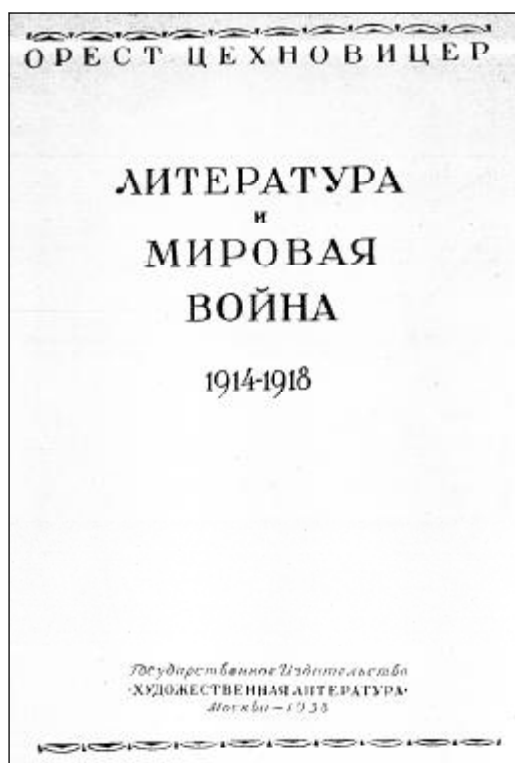
Вениамин Цеховицер с сыновьями Орестом и Евгением.

**Анна Аароновна Цеховицер
(урождённая Глик).**

**Выпускник Псковского
реального училища.**

Орест Цехновицер
(карандашный набросок).
Одесса 23 мая 1919 г.

Дом на углу Пушкинской, в котором с 1901 г. жили Цехновицеры.